

Светлана Алешина

Лихая скромница

*Часть сборника
Папарацци (сборник)*

Светлана Алешина
Лихая скромница
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6148996

*Алешина С. В. Папарацци. Лихая скромница: Повести: Эксмо-Пресс;
Москва; 1999
ISBN 5-04-002747-8*

Аннотация

«...Ответа не последовало. Я еще раз постучала. Тот же результат. Тогда я нажала на дверную ручку, и дверь плавно отворилась. Я осторожно заглянула в комнату да так и застыла от удивления.

На диване у окна, согнувшись и закрыв лицо руками, сидела Танька. Плечи ее тряслись, она явно редела, но старалась делать это беззвучно, сдерживая рыдания. Я вошла, закрыла за собой дверь и тихо позвала ее:

– Танечка, Таня, что с тобой?

Увидев меня и поняв, что она обнаружена, Татьяна прекратила сдерживаться и разрыдалась в полный голос. Она всхлипывала и подвывала, размазывая слезы по щекам. Если бы не качественная косметика, которой пользовалась Танька, ее лицо давно бы стало пятнистым от разводов. Я смотрела на нее пораженная, дивясь

происшедшей с ней метаморфозе. Из сияющей светской львицы наша миссис Болтон превратилась в зареванную девчонку...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Светлана Алешина

Лихая скромница

Глава первая

Для всех карасевских девчонок Татьяна Булычева являлась своеобразным символом (некоторые образованные умники применяли еще слово «эталон»). Танька являла наглядный пример того, как может простая девчонка из провинции устроить свою жизнь в большом мире, частью которого, без сомнения, многие считали и областной город Тарасов.

Однако устрой Танька свою жизнь в Тарасове, никаким эталоном (нет, в этом слове есть что-то лошадиное, лучше все-таки символом) она бы не стала. Думаете, в Москве зацепилась или в Питере? Берите выше! Короче говоря, вышла наша Танька замуж за иностранца, и не просто за иностранца, а за англичанина. И не просто за англичанина, а за лондонца. Величают теперь Таньку – миссис Татьяна Болтон, и живет она со своим мужем, инженером Питером Болтоном, в одном из фешенебельных пригородов Лондона. Точнее, жила.

Четыре месяца назад Питер Болтон снова приехал в Россию, в Тарасов, продолжать начатое два года назад англичанами строительство Тарасовского консервного завода. Точ-

нее сказать, строительством это стало недавно, до этого предполагалось, что англичане реконструируют издавна существовавший в Тарасове небольшой консервный заводик. Но реконструкции не получилось. Почти год англичане лазили по заводу, пытаясь постичь суть существующей технологии производства консервов. В частности, например, зачем такое количество работающих и почему над ними так издеваются?

В конце концов, поняв, как все это работает, заморские гости схватились за голову и стали думать, как эту технологию можно модернизировать. Прикинув многочисленные варианты, англичане пришли к однозначному ответу – никак нельзя. Все имеющееся оборудование надо выбрасывать на помойку и ставить новое, если область хочет иметь современный консервный завод.

Губернские отцы почесали затылки, подумали почти целый год, изыскали где-то дополнительные средства и решились-таки на глобальную реконструкцию завода. На деле это означало полную замену всех технологических линий, снос большинства зданий и сооружений и постройку взамен новых, отвечающих английской технологии. Короче, дел стало много. И Питер Болтон вернулся в Тарасов вместе с молодой женой, год жившей с ним в Англии.

Не знаю уж, на радостях или с горя, что вернулась из рая заграничного в отечественное бытие, Танька решила устроить небольшой междусобойчик, на который пригласила сво-

их подруг-землячек, в том числе и нас с Ирккой.

К этому времени я прожила в Тарасове уже год и перешла на второй курс филфака университета. Ирка же на три года старше меня, и, соответственно, уже закончила четыре курса своего медицинского.

Вдвоем с Ирккой мы прибыли в загородный домик, где теперь жила Танька со своим мужем. Питеру был выделен двухэтажный коттедж в пригородной части Тарасова, называемой Сосновый бор, где селились исключительно большие «шишки». В этом доме, после возвращения из Англии, Танька жила уже четыре месяца. Видимо, посчитав обустройство нового жилища законченным, а может, просто решив воспользоваться отсутствием мужа, который уехал в Англию на несколько дней, Татьяна и пригласила старых друзей, похвалиться «стэндингом» и покрасоваться в новой роли.

Компания подобралась разношерстная. Женскую часть представляли Танькины землячки в количестве четырех человек: мы с Ирккой, а также Людмила Хворостихина и Ася Каменкова. Женщин явно позвали с целью продемонстрировать, чего Танька добилась за свою короткую, но бурную жизнь. Мужскую часть являли собой ее бывшие однокурсники по юридическому институту, которых, видимо, Танька пригласила для того, чтобы женской части не было скучно, а также для того, чтобы показать этим будущим юристам, что они потеряли. Ребят было трое, все местные тарасовские, и все, как потом я поняла, – отпрыски высокопоставленных

родителей.

Отец Фимы, маленького очкастого кучерявого паренька, похожего на Троцкого в юности, был известный в городе адвокат Резовский. Артем, полная противоположность своему приятелю Фиме, высокий блондин, молчаливый, как пробка от шампанского, был сыном прокурора. У Анатолия же, добродушного толстяка с редкими прилизанными волосами, мама занимала какой-то пост в органах юстиции. Ничего не скажешь, завидным женихам утерла нос наша Танька!

Мы расселись за большим столом в гостиной на первом этаже. Во главе стола, как это и полагается, восседала виновница торжества, леди Татьяна, как ее называли молодые люди, приглашенные ею. Вечернее темное платье с блестками и глубоким вырезом на спине прекрасно сидело на стройной Танькиной фигуре, большой разрез внизу демонстрировал ноги правильной формы и приятных пропорций. Волосы были забраны наверх в причудливую прическу, открывавшую шею, и ниспадали на лоб одной лишь тонкой прядью. Миловидный овал Танькиного лица, подчеркнутый дорогим фирменным макияжем, весь вечер озаряла лучезарная улыбка.

За столом все быстро перезнакомились. Мальчишки наладили дружеский контакт с девочками, исправно подкладывали им салаттики, подливали вино и беседовали о жизни. Девчонки, в свою очередь, поняли, что эти умники из юридического института в принципе неплохие пацаны, и перестали напрягаться.

Роль тамады взял на себя мелкотелый и говорливый Фима. Надо сказать, что язык у будущего адвоката был подвешен как надо, а энергия била через край. Он успевал произвести тост, разлить соседкам шампанского, при этом сам отведать всех деликатесов, не переставая шутить даже с набитым ртом. Анатолий, на мой взгляд, слишком увлекся едой, довольно быстро сдал свои позиции бухаря-разговорника, меньше острил и больше смеялся. Что же касается Артема, сидевшего между мной и Ирккой, он был самым молчаливым и ограничивался лишь тем, что регулярно спрашивал, чего нам подложить или подлить.

По своему обыкновению, я не очень налегала на еду и еще меньше на спиртное, поэтому Тема, как его к разгари вечеринки все звали, меня изрядно раздражал. Он вообще для сына прокурора был какой-то слишком застенчивый. Видимо, весь пыл словесного баталиста достался его отцу. Еще когда Татьяна нас знакомила, он выпучил глаза и как-то странно завякал, словно утратил дар речи при виде меня.

– Э... Уя... Здравсьте, – наконец пролепетал он, после того как Фима едва заметно подпихнул его кулаком в бок. Приблизительно аналогичного поведения прокурорский сынок придерживался и в течение всего вечера. Он активно стеснялся и только пучил на меня глаза. Однако, когда пригласили за стол, проявил инициативу и сел рядом со мной, но почему-то решил, что лучшая тактика ухаживания – раскормить свой «предмет» до состояния баварской свиньи.

Несмотря на мои частые отказы, Тема не обижался, наполнял свою тарелку, но чаще – свой бокал.

Вечер продолжался. Застолье из дружного междусобойчика постепенно переходило в веселую гулянку, психологические барьеры между сидящими за столом рушились, опьянение нарастало. Фима стал травить скромные анекдоты, девчонки покатывались со смеху. Всем этим процессом веселья умело дирижировала царица стола, подданная британской короны – Танька Булычева.

– Фима, котик, я прошу тебя, пожалуйста, заткнись на минуту. Дай произнести тост Толе, а то он у нас совсем закис, – приструнила она Фимку, начавшего было рассказ очередного, совсем пошлого анекдота.

– Толя, зайчик мой, прекрати затыкать рот Ирине своим громогласным чавканьем, – вслед за Фимой досталось и Толику, который в тот момент, когда Ирка встала произнести тост за родителей, стал активно прожевывать целиком запихнутый в рот бутерброд с красной икрой.

И, наконец, когда покончили с закусками и на середину стола был водружен огромный бисквитный торт, Танька вдруг поинтересовалась:

– А что это мы Темочку давно не слышим?!

Все посмотрели на моего соседа. Дело в том, что все порции вина и шампанского, а впоследствии и водки, от которой мы с Ирккой отказались, наш кавалер употребил сам – не пропадать же добру. Это не развязало ему язык, зато серьез-

ным образом раскрепостило в телодвижениях.

Артем сделал успокаивающий жест рукой, типа: «будь спок» или «все путем». Затем он, качнувшись из стороны в сторону, порывисто встал, при этом расплескав половину водки из рюмки нам с Иркой на юбки, и с серьезнейшей словесной пробуксовкой произнес:

– Американский политический деятель и ученый Бен-д-ж-жамин Ф-ф-фран-клин когда-то говорил...

Уже этого его вступления было достаточно для того, чтобы из уст дам вылетел легкий вздох разочарования, а рты мужчин приоткрылись в недоумении. Ничего не понявшая Ирка шепотом стала допытываться у меня, какой «Блин» чего сказал, но тут оратор продолжил:

– ...брат может не быть другом, но... друг всегда брат, – Артем обвел всех присутствующих умиленным взглядом.

Тут уж к мужчинам присоединились и женщины, также удивленно раскрыв рты. Пораженная аудитория молчала, вопросительно глядя на оратора. Он в свою очередь улыбнулся, довольный таким всеобщим вниманием, и снова, сделав успокаивающий жест свободной от рюмки рукой, другой рукой, высоко вскинув рюмку, окропил водкой свою светлую, хотя и несколько помутненную алкоголем голову. После чего произнес:

– Так выпьем же... за любовь! – после чего добавил: – Между мужчиной и женщиной.

Присутствующие облегченно вздохнули, а Фима, словно

кот Матроскин при виде дяди Федора, заорал: «Ур-р-р-а!!», радуясь тому, что его друг не ударил в грязь лицом и вышел с честью из созданного им же самим затруднительного положения. Тему быстро посадили, так как высока была вероятность, что он может взамен ударить лицом в торт – в буквальном смысле.

Фима, опрокинув рюмку, тут же наполнил все бокалы и, вскочив, произнес тост, который сам по себе являлся венцом веселой гулянки, точнее его границей, за которой уже началось нечто, похожее на оргию:

– За карасевских баб! – высокопарно воскликнул он. – Побольше бы нам таких орлиц! Был бы я султан, я бы на вас, девоньки, на всех женился, – заключил Фима, обводя пылающим взором присутствующую на вечеринке «прекрасную половину человечества».

Вокруг Фимы все заклокотало.

– Гип-гип, ура! – заорал Тема, снова взметнув над головой руку с рюмкой и устроив нам с Ирккой водочный дождь. – Фу, Фима, можно было и поизящнее сказать, – надув губки, произнесла Татьяна.

– Зато – от сердца, – прокомментировал в ответ тот.

– Фима, побойся Бога, – с усмешкой произнес Анатолий, – султаны – мусульмане, а ты еврей.

– Царь Давид тоже был многоженец, – парировал молодой вундеркинд реплику своего товарища.

Неожиданным контрапунктом всей этой какофонии про-

звучали слова, сказанные Люськой Хворостихиной:

– Да тебя, милый, на меня одну-то не хватит, не то что на всех! – Люська насмешливо глядела на Фиму, облизывая испачканные в креме кончики пальцев.

Вызов был брошен. За столом воцарилось молчание, все с интересом посмотрели на Фиму. Тот решительным жестом опрокинул содержимое своей рюмки себе в глотку, с грохотом поставил рюмку на стол и щелкнул пальцами в сторону Толика, скомандовав:

– Маэстро, танго, пожалуйста!

Пока обожравшийся Толик лениво поворачивался к магнитофону, стоявшему за его спиной, Фима обгарцевал стол и остановился, щелкнув каблуками, рядом с Люськой.

– Мадам, прошу вас.

– Между прочим, мадемуазель, – сказала Люська, вставая.

– Не страшно, – заявил Фима, – исправим! – и резво повел свою избранницу в центр зала.

Люська Хворостихина, в противоположность фамилии, была девчонкой в теле, да и ростом родители ее не обидели: она оказалась почти на голову выше своего худосочного кавалера. Однако, как только заиграла музыка, Фима так стремительно ухватился за обширную талию своей партнерши и с такой силой рванул ее на себя, что они чуть не упали на пол в самом начале танца. Но в дальнейшем все происходило достаточно гладко.

Фима, как волчок, крутился вокруг своей дородной парт-

нерши, при этом заставляя ее выписывать такие танцевальные фортели, что оставалось только диву даваться, откуда в этой крупногабаритной российской девахе взялась испанская страсть. Правда, Люська была не очень искушена в танцах и периодически наступала своему очкастому кабальеро на ноги, отчего глаза последнего стекленели и расширялись до размеров очков. Он, однако, мужественно перенес все эти легкие несуразицы и к концу разошелся до такой степени, что решил вырваться из рамок танго и перейти к аэробике. Это-то его и погубило.

На последних аккордах музыки Фима схватил Люську за ноги и попытался взгромоздить партнершу на плечо. Раздался громкий визг, потом дикий вопль восторга, затем страшный грохот.

Есть женщины в русских селеньях – не по плечу некоторым мужчинам. Это коромысло оказалось слишком тяжелым для Фимы, он не удержал Люську, и оба обрушились на пол.

Сначала все охнуло, потом бурно заплодировали столь эффектному завершению танца. Довольны были все, кроме Фимы, так как Люська упала прямо на него. Поднявшись с пола, Люська оправила платье, водрузила на ноги своего пылкого воздыхателя и даже помогла незадачливому танцору дойти до его места за столом.

Мне почему-то стало скучно. Возникло ощущение, что я ожидала от этой встречи чего-то иного, нежели простой веселухи.

Я хотела увидеть английского мужа моей подруги, пообщаться, посмотреть, что за «чудо в перьях» увезло нашу Таньку в иной мир, в иную жизнь. Почему-то мне казалось, что сама Танька вернется оттуда другой, изменившейся. Однако даже за граница не меняет русского человека, и Танька оставалась все той же хулиганкой, любительницей повеселиться и покомандовать окружающими. Только теперь она это делала с видом вальяжной матроны с использованием слов типа «котик», «зайчик» («мулю» еще забыла). Я бы предпочла повспоминать наше детство, прошедшее в Карасеве, а не ржать в компании этих жеребцов-юристов (один из которых, накачавшись, в борьбе со сном все время тыкал меня в плечо).

В конечном счете получилась какая-то показуха, да еще с элементами сводничества, причем женихи, как справедливо шепотом заметила мне на ухо Ирка, были отнюдь не английские джентльмены, а наши обычные студенты-юристы, хоть и из состоятельных и известных в городе семей.

Но Танька приберегла еще один сюрприз. Неожиданно от моих невеселых раздумий меня оторвали ее громкие хлопки в ладоши.

– А теперь, господа, позвольте вам представить моего хорошего друга Сергея.

Все разом обратили свое внимание на парочку, стоящую у входной двери в зал. Рядом с Танькой, галантно подставив ей руку, на которую она опиралась, стоял высокий парень.

Едва взглянув на него, Ирка прошептала мне на ухо:

– С таким не стыдно пройтись и по Тарасовскому проспекту.

Но Ирка явно преуменьшала: с этим мужиком не стыдно было бы пройтись и по Пикадилли или, скажем, Елисейским полям. Новый гость смотрелся настоящим джентльменом. Не могу сказать, что черты его лица отличались правильностью, пожалуй, сидящий рядом со мной пьяный в дупель Артем был в этом смысле даже предпочтительнее. Но элегантность, манера держаться, опрятность в одежде делали его на голову выше всех остальных мужчин этой компании.

На нем был светлый легкий костюм, темная шелковая рубашка с коротким воротником-стойкой. Каштановые волосы длинные, но чистые и аккуратно уложенные. Тонкая, прямая, как лезвие, нитка пробора ближе ко лбу терялась в чуть растрепанной челке, что убирало налет официозности с лица, но оставляло впечатление аккуратности. Большие синие глаза смотрели внимательно и... чуть-чуть грустно.

– Добрый вечер! – поздоровался со всеми Сергей приятным, чуть с хрипотцой, баритоном.

Я поняла, что Танька в очередной раз решила удивить всех и показать, что даже в отсутствие мужа ее есть кому утешить. Короче, все как в анекдоте про трех животных, которые должны быть у женщины: ягуар в гараже (Танька, правда, сказала, что они с мужем ездят на «БМВ»), тигр в постели и тот козел, который все это оплачивает – а у Таньки он

был еще и импортного розлива.

Татьяна подвела Сергея к столу и стала по очереди представлять ему всех гостей. Сергей вел себя достойно, дам глазами не пожирал, вежливо жал им ручки своей белокожей и сильной рукой. С мужчинами был по-дружески корректен и несколько отстранен. Когда очередь дошла до меня и Татьяна произнесла:

– А эта наша красавица Олечка, студентка филфака, – Сергей вежливо протянул мне руку, доброжелательно глядя на меня своими синими и грустными глазами.

Но в этот момент случилось непредвиденное: мне на колени упала голова сидящего рядом Артема. Он обнял мои бедра руками, устроившись на моей юбке, как на подушке, и, громко зачмокав губами, заснул. Я с ужасом и недоумением посмотрела на спящего, потом подняла взгляд на Сергея. Тот ободряюще улыбнулся мне и произнес:

– Ничего страшного, давайте я помогу вам оттранспортировать вашего избранника на диван.

– Это не мой избранник, – горячо запротестовала я, тыкая пальцем на лежащую на моих коленях голову.

– Значит, вы его избранница, – улыбнулся Сергей, беря за плечи Артема. – И это не такой дурной знак. Мужчина во хмелю интуитивно тянется к добрым и чутким женщинам. И если этот субъект выбрал вас, значит, к тому есть свои предпосылки.

– Спасибо, – сказала я, благодаря Сергея одновременно и

за избавление от пьяной туши, и за комплимент.

Стоит ли говорить, что, когда сели за стол, все внимание женской половины было приковано к Сергею. Беседа потекла тихим и неспешным порядком. Сергей, в отличие от Фимы, был не столь экспансивен, но более изящен. Он не травил пошлых анекдотов, ограничиваясь не менее смешными рассказами из своей жизни и жизни приятелей. Я успела понять, что он бизнесмен, хотя он не назвал рода своей деятельности. С Татьяной он был знаком уже полтора года. Познакомились они чисто случайно (формулировка Татьяны).

Наконец Танька объявила белый танец и, схватив Сергея за руку, пошла танцевать. То же самое проделала с Фимой Люська Хворостихина. Анатолий же поднялся по призыву Аси Каменковой, хотя удалось ему это с большим трудом. За столом остались сидеть я и Ирка. Неожиданно Танька с Сергеем, перемолвившись парой слов, отправились к лестнице, ведущей на второй этаж, и, поднявшись по ней, скрылись из вида.

Мне опять стало скучно, судя по всему, скука одолевала и Ирку. Она посмотрела на часы и сказала:

– Ну что, подружка, не пора ли нам? Время полдевятого.

– Ты хочешь сказать, что пары уже сформировались и нам с тобой здесь ловить нечего, – ответила я ей, задумчиво глядя на второй этаж.

– Вот еще, – обиделась Ирка, – такие хлыщи не в моем вкусе. Мое пристрастие – люди военные. Просто пора уже

домой, – добавила она.

– К военным людям так и льнешь, – процитировала я Грибоедова, – а потому что патриотка.

У Ирки было действительно три жениха, и все – курсанты военных училищ. Все трое вполне мирно друг с другом уживались, поскольку учились в разных городах России, а Ирку навещали лишь периодически. За графиком посещений Ирка следила четко и внимательно, поскольку одна накладка в этом деле могла лишить ее двух женихов сразу.

– Ладно умничать, – сказала Ирка. – Иди лучше попросишься с хозяйкой дома за себя и за меня, а то она что-то задерживается там с этим молодым человеком неопределенного статуса.

– А почему я-то? – попыталась я возразить. – Пошли вместе.

– Ну вот еще, всей оравой вломимся туда, – ответила мне Ирка. – Иди одна. Ты моложе меня. Тебе простительнее, если ты помешаешь им в пикантный момент.

Ирке, как всегда, удалось настоять на своем, и я отправилась на второй этаж. Не успела я подняться по лестнице, как увидела, что дверь одной из комнат открылась и из нее вышел Сергей. Аккуратно закрыв за собой дверь, он стремительно пошел по коридору к выходу, то есть мне навстречу. Когда мы поравнялись, он улыбнулся мне грустной улыбкой и произнес:

– До свиданья.

Я в ответ машинально попрощалась, проводив взглядом его до лестницы, после чего подошла к двери, из которой он только что вышел, и крикнула:

– Татьяна!

Ответа не последовало. Я еще раз постучала. Тот же результат. Тогда я нажала на дверную ручку, и дверь плавно отворилась. Я осторожно заглянула в комнату да так и застыла от удивления.

На диване у окна, согнувшись и закрыв лицо руками, сидела Танька. Плечи ее тряслись, она явно ревела, но старалась делать это беззвучно, сдерживая рыдания. Я вошла, закрыла за собой дверь и тихо позвала ее:

– Танечка, Таня, что с тобой?

Увидев меня и поняв, что она обнаружена, Татьяна прекратила сдерживаться и разрыдалась в полный голос. Она всхлипывала и подвывала, размазывая слезы по щекам. Если бы не качественная косметика, которой пользовалась Танька, ее лицо давно бы стало пятнистым от разводов. Я смотрела на нее пораженная, дивясь происшедшей с ней метаморфозе. Из сияющей светской львицы наша миссис Болтон превратилась в зареванную девчонку. Вечернее платье смотрелось на ней сейчас как ночная сорочка. Элегантно ниспадавший на лоб локон прически висел сосулькой. Лицо сморщилось, щеки обвисли, губы распухли.

– Что случилось, Таня, расскажи, – попыталась я расспросить ее.

– Все кончено! – всхлипнула она. – Все погибло, жизнь разрушена! Питер мне этого никогда не простит!

– Говори яснее, в чем дело! – затрясла я ее за плечи.

– Меня... меня... – Танька размазала очередную порцию слез по лицу, – меня шантажируют.

Я была удивлена настолько, что перестала трясти Таньку и лишь молча смотрела на ее заплаканное лицо. Потом вынула из кармана платок и, вытирая Танькины слезы, спросила:

– Кто тебя шантажирует?

– Я не знаю, – ответила она, взяв у меня из рук платок и вытирая им лицо.

– Что они требуют? – вновь задала я вопрос.

– Денег, – снова безутешно разревелась Танька, – много денег! Без ведома Питера мне столько не собрать.

– Да за что деньги-то? – выйдя из терпения, я вновь трянула Таньку за плечи.

– За негатив, – ответила она и высморкалась в мой носовой платок.

– Какой еще негатив?

– Негатив фотопленки, на которой мы засняты в постели.

– С кем... в постели? – глухо спросила я.

– С Сережкой, – проговорила она, и слезы потекли у нее градом.

– Ну ни фиги себе, – произнесла я и села прямо на ковер перед Танькой.

«Веселенький выдался вечерок, – подумала я про себя. –

Начали за здоровье, кончаем... непонятно как. В общем, ничего хорошего».

Но, отойдя от полученного информационного шока, я решила действовать. Встала, схватила за плечи Таньку, подняла ее и проводила в ванную комнату, чтобы она умылась.

Пока Танька принимала водные процедуры и приводила себя в порядок, я оглядела спальню, в которой мы находились. Что это именно спальня, нетрудно было догадаться – почти всю комнату занимала большая и широченная кровать. На столике рядом с диваном стояла фотография – Танька и какой-то лысоватый тип с крупными зубами и маленькими голубыми глазками. Тип обнимал Таньку и явно очень радовался этому обстоятельству. Путем нехитрых умозаключений я пришла к выводу, что это и есть Питер Болтон, законный Танькин супруг. Сама хозяйка вечера почему-то не решилась показывать нам фотографии.

Наконец Танька вышла из ванной, вытирая лицо полотенцем. Она уселась на диван, отшвырнула полотенце, подняла с пола сумочку и, вынув оттуда пачку сигарет и зажигалку, прикурила.

– Как же тебя угораздило? – спросила я ее, когда дым заструился у нее изо рта. – При живом-то муже-иностранце, – я кивнула на фотографию на столике.

Танька скосила глаза на фотографию, затем отвернулась и сказала:

– Сама не знаю. Это было как наваждение. Мы и не соби-

рались с Сергеем идти дальше простого знакомства. Но все получилось как-то само собой.

– Сколько раз вы встречались и где вас застукали?

– Три раза, – сказала Танька, – один раз до отъезда и два раза, когда я вернулась в Тарасов. Когда Сергей узнал, что я приехала, он позвонил мне, предложил встретиться, посидеть в кафе, вспомнить старое. Потом была гостиница, один раз, другой. На втором нас и засекли. Через два дня мне позвонил неизвестный и сказал, что у меня в почтовом ящике лежит конверт с фотографиями, которые меня очень интересуют. Я сразу спустилась и проверила почтовый ящик. Там действительно оказался конверт с фотографиями. Слава богу, Питера не было дома, он уже ушел на работу. На следующий день мне позвонили и сказали, чтобы я готовила двадцать тысяч долларов, иначе эти же фотографии попадут в руки моего супруга.

Танька глубоко затянулась и, выпустив дым, продолжила рассказывать:

– Но это огромные деньги. Собрать такую сумму тайком от Питера я просто не могу, во всяком случае, в короткое время. Я просила, умоляла их снизить сумму, повременить. Они согласились только на отсрочку. Я заплатила им пять тысяч и через месяц должна отдать еще пять. Я не знаю, где буду брать такие деньги.

– погоди, – спохватилась я, сама удивляясь тому, почему я не спросила об этом раньше. – А как же твой... сексуальный

партнер? – без доли ревности спросила я. – Он-то в этом деле какую роль играет, кроме упомянутой?

– Он здесь ни при чем, он сам пострадавший, у него жена, ребенок. К тому же с него самого требуют деньги, правда, меньшую сумму. И он с трудом ее собирает, – затараторила Татьяна.

– Значит, в доле он не участвует, – подытожила я.

– Да в какой там доле, откуда у него деньги! – заверила Танька.

– А ты уверена, что это не он тебя подставил? – спросила я, хотя в душе мне самой почему-то не хотелось верить в это.

– Уверена, что не он, – твердо сказала Танька. – Я же тебе говорила, он сам не знает, как выпутаться.

– Да уж, – констатировала я. – Влипли вы в историю по самые уши. И что же ты теперь собираешься делать?

– Не знаю, не знаю я ничего, – раздраженно помотала головой Танька.

– Слушай, – с интересом спросила я, – а как ты деньги этим шантажистам передаешь?

– Кладу в условленное место, – ответила она.

– Так, может, есть смысл, – несмело предположила я, – подкараулить шантажиста и поймать его в тот момент, когда он будет брать деньги?

– Как же я это сделаю? – Танька посмотрела на меня, как на идиотку. – Меня же в лицо знают, – добавила она с тоской в голосе. – Мне даже обратиться не к кому за помощью.

Несколько секунд после этих слов я неотрывно смотрела на нее. Потом от бури нахлынувших на меня чувств заметалась по комнате из угла в угол. В голове моей варился странный борщ, замешанный на патриотических чувствах и сильно приправленный человеческой жалостью к обиженным.

Я была уверена, что ради любви к родному Карасеву нельзя отнимать у карасевских девчонок символ веры в голубую мечту – а именно таковой является судьба Таньки. Развалить сейчас ее семью – значит нанести удар по многим девичьим мечтам. К тому же жалко было Таньку чисто по-человечески. Не повезло ей, бедной. Раз в жизни встретила нормального классного парня – и на тебе, попалась на крючок шантажиста. Борщ в моей голове, кажется, дошел до нужной кондиции, я остановилась перед Танькой и торжественно произнесла, словно воин присягу:

– Тебе есть к кому обратиться. Я готова тебе помочь!

Танька уставилась на меня и спросила:

– Как ты собираешься мне помочь?

– Пока не знаю, – ответила я и снова принялась шагать по комнате. Но тут же остановилась и сказала:

– А, нет, придумала. Мы сфотографируем шантажиста в момент, когда тот будет изымать деньги. А потом заявим в милицию, – сказала я.

– Ты что, охренела? – выпучила на меня глаза Танька. – Какая милиция? Все должно быть конфиденциально, а милиция – это огласка.

– Хорошо, – тут же согласилась я с ней, – в милицию заявлять не будем, но мы можем пригрозить шантажисту, что заявим в милицию, если он не согласится отдать компромат.

– А если он не согласится, – тут же спросила Танька, – и пришлет фотографии Питеру?

– Ну, тогда не знаю, – всплеснула я руками, – но надо же что-то делать! В конце концов, чем ты рискуешь? Денег, ты говоришь, у тебя все равно нет.

Я походила еще немного по комнате и спросила:

– Кстати, ты сама-то кого-нибудь еще подозреваешь? Может, это кто-то из тех, кто знакомил тебя с Питером, или кто-то, у кого ты его отбила?

Татьяна только рукой махнула.

– Откуда я знаю, у кого я его отбила, мы познакомились через брачное агентство!

– Какое агентство?

– Специализированное, – объяснила она. – наших девочек за иностранцев замуж выдает, называется «Связи небесные».

– Ничего себе название, – хмыкнула я скептически и спросила: – А что это за гостиница, в которой вас застукали с Сергеем?

– «Англетер», – ответила Танька.

– В каком номере? – спросила я.

– В «люксовском», – усмехнулась она. – Номер 405.

– Ладно, – подвела я итог нашей беседы. – Ты жди звон-

ка от своих «друзей», а я попробую пошарить по гостинице, может, чего-нибудь еще узнаю. Как только тебе позволят, ты сразу сообщаем об этом мне. И мы организуем господам встречу. Я недавно купила приличный фотоаппарат «Nikon». Поймаем мы твоего шантажиста в объектив, куда он от нас не денется, – бодро заключила я свою речь.

Татьяна молча размышляла, докуривая вторую сигарету.

– Ладно, – сказала она наконец. – Если получится, я в долгу не останусь, – и со вздохом добавила: – А вообще я тебе уже и сейчас благодарна за сочувствие.

– Ладно, рано благодарить. Ты лучше дай мне фотографию... – Я секунду колебалась, затем пояснила: – Ну, ту, где вы запечатлены в... объятиях друг друга. Мне она нужна на всякий случай.

К моему удивлению, Танька не стала возражать, а просто достала из сумочки фотографию размером 7 × 12 и отдала ее мне. В этот момент в дверь постучали. Я быстро спрятала снимок в карман юбки.

– Долго вы там еще болтать будете? – послышался из коридора Иркин голос.

Дверь открылась, и в комнату просунулась голова моей подружки.

– Уже все расходятся, а вы тут сидите, языками зацепились, – негодовала Ирка.

– Идем, – сказала я и первая вышла в коридор, увлекая за собой Ирку.

– О чем это вы так болтали долго? – спросила Ирка, подозрительно глядя на меня, когда мы спускались по лестнице.

– Провели сопоставительный анализ, чем отличается секс с англичанами от секса с русскими мужиками, – ответила я.

– Да ну? – заинтересованно вытаращив глаза, уставилась на меня Ирка. – Ну-ка, расскажи в подробностях.

– В подробностях не могу, – покачала я головой, – разговор был конфиденциальный. Но суть сводится к тому, что секс с нашими круче, зато и последствия тяжелее, – задумчиво заключила я.

Ирка замолчала и всерьез задумалась. Тема секса, пожалуй, занимала и волновала ее больше всего в этой жизни. Когда мы спустились на первый этаж, я обнаружила, что большинство гостей, не простившись, можно сказать, по-английски, сдернули. То есть смылись две пары – Фима с Людкой и Толик с Аськой, – оставив недвижимое наследство в виде дрыхнувшего Артема.

Через двадцать минут Танька вызвала такси и отправила нас троих по домам. По дороге домой, сидя в машине, каждый из нас подводил итоги прошедшего вечера. Пожалуй, в отличие от других, у меня было больше оснований задуматься, в частности, о смысле жизни и загадочности женской души.

На переднем сиденье, как всегда, уселась Ирка, молчавшая всю дорогу неизвестно о чем. На моих коленях мирно посапывал Артем. Мало он доставал меня за столом! Нака-

зание, да и только! Будущий юрист и начинающий алкоголик изрядно покуролесил, пока его усаживали в машину, но, увидев меня рядом, сразу присмирел, радостно улыбнулся глупой детской улыбкой и, уже по-свойски уткнувшись лицом мне в колени, тут же заснул. Ради общего спокойствия я решила не сопротивляться этой бесцеремонности.

Когда шофер подвез нас к подъезду нашего дома, мы с Ирккой вылезли из машины, и я протянула шоферу листочек с домашним адресом Артема, который мне дала Танька.

– А этот разве не с вами? – спросил таксист.

– Вы о нас плохо думаете, – возмутилась Ирка.

– Нет, нет, – вторила ей я. – Отвезите его к маме с папой вот по этому адресу.

– А кто его будет поднимать до квартиры? – тут же спросил шофер.

– Ну не мы же! – Ирка начала закипать. – Вам заплатили, вот вы и поднимайте.

– Мне заплатили только за довоз, – возразил шофер.

– Его папа – районный прокурор, – выдала я решающий аргумент. – И если вы не дадите мальчику уснуть на улице, вам это потом зачтется.

Видимо, за шофером водились какие-то грешки, потому что, подумав секунду-другую, он тронул машину с места. Проводив взглядом «Волгу» до поворота, за которым она скрылась, мы с Ирккой отправились домой.

Глава вторая

Мы с Ирккой жили в квартире, которую снимали на па-ях, в центральной части города, на улице Жукова. Квартира была двухкомнатная, благоустроенная, с телефоном, на третьем этаже. Аренда стоила нам не очень дешево, тем более что большую часть платила я. Но деньги у меня пока еще были.

Год назад я удачно и с прибылью для себя выбралась из одной опасной и запутанной истории. В эту историю я попала случайно, можно сказать, сдуру. События развивались столь бурно и драматично, что мое легкомыслие чуть не стоило мне жизни. Но, к счастью, для меня все окончилось благополучно, к тому же в моем распоряжении случайно оказалась кругленькая сумма в долларах. Так мы с Ирккой смогли перебраться из «спального района» в центр города.

У каждой из нас было по комнате. Совместное хозяйство мы с Ирккой вели уже больше года и вполне друг с другом ладили. Основные принципы были просты – мы все старались делать поровну. Если сегодня я готовлю, то Ирка моет посуду, а завтра наоборот. Этот принцип распространялся и на все другие сферы домашнего хозяйства – уборку, стирку и прочее. По природе своей моя подруга Ирка была командиршей (что с нее взять – дочь армейского полковника). Тем более что она была на три года старше меня и считала сво-

им долгом выполнять в отношении меня роль наставницы, особенно в самом начале нашего совместного житья, когда я только приехала из Карасева. Но я-то знала, что в глубине души Ирка добрый и отзывчивый человек, поэтому старалась не придавать большого значения ее наставительным «заездам». К тому же год жизни в большом городе Тарасове кое-чему научил и меня. Я уже не была той зажатой провинциалкой с минимумом жизненного опыта и максимумом амбиций.

Утро выдалось солнечным. Август вступал в свои права и, судя по прогнозам синоптиков, обещал быть жарким. Несмотря на вчерашнее позднее возвращение, мы с Иркой встали достаточно рано. У обеих у нас были дела в городе. У Ирки намечалась обширная программа: сегодня на ней висела покупка продуктов, сдача осенних вещей в химчистку, кроме того, она собиралась навестить подружку по институту. Мои же мысли были заняты вчерашним рассказом Таньки Булычевой и разработкой планов помощи попавшей в беду подруге. Я не собиралась сидеть и ждать, когда шантажисты позвонят и назначат встречу для очередной передачи денег. Я решила действовать.

Опыт детективной работы у меня был минимальный, однако теоретических знаний хватало. Так, по крайней мере, мне казалось. Последний год я с удовольствием зачитывалась детективами молодой писательницы Марины Серовой, заполнившей своими произведениями книжные лотки

на улицах. В ее повестях главной героиней была молодая девушка-детектив. Таня Иванова – так ее звали – отличалась мужеством и находчивостью, виртуозно выходя из самых тяжелых ситуаций. Ее опытом я и решила воспользоваться в своем собственном расследовании.

Первым делом, решила я, детектив Таня Иванова стала бы собирать информацию. А где ее можно собрать? Булычева упомянула в своем рассказе лишь два учреждения: брачное агентство и гостиницу. А также одного человека, задействованного в этой плачевной истории. Это был Сергей Ковальцов. Фамилию своего любовника Танька неохотно назвала мне под занавес вчерашней вечеринки, но так и не дала его адрес. Таким образом, мне ничего не оставалось, как посетить гостиницу «Англетер» и брачное агентство. Начать я решила с гостиницы, еще толком не зная, что я там хочу выяснить, но подумав, что даже просто знакомство с этим заведением будет мне полезно.

Мы с Ирккой быстро позавтракали, она осталась мыть посуду, а я пошла в комнату одеваться. И тут вдруг раздался звонок в дверь. Открывать пошла Ирка, поскольку я была в одном нижнем белье, о чем и оповестила подругу. Ирка, ворча что-то на тему «вечно ты не вовремя», отправилась открывать дверь. Через несколько секунд послышался ее протяжный голос:

– Оль! А это к тебе.

Я сразу подумала, что это Танька пришла сообщить ка-

кие-то новости, и выскочила в прихожую в юбке и лифчике – как оказалось, зря. В коридоре, рядом с Ирккой, которая была удивлена не меньше моего, стоял наш вчерашний собутыльник – сын районного прокурора Артем. Завидев меня, так сказать, в неглиже, он почесал свою всклокоченную голову и слегка ухмыльнулся.

– ...хороши также грудь и улыбка, – процитировал он известную песню артиста Андрея Миронова.

Я поняла, что мне хамят, и намеренно грубо спросила его:
– Чего тебе здесь надо? Как ты вообще сюда попал? И что у тебя за вид такой?

Пока он, явно находясь в похмельном состоянии, переваривал мои вопросы, я сбегала в свою комнату, натянула на себя блузку и вернулась. Вид у Артема был и в самом деле еще тот: волосы растрепаны, лицо припухшее и помятое, но самое странное – одежда на нем была мокрая насквозь, будто он только что искупался.

– Кто тебя намочил? – спросила Ирка, пристально приглядываясь и даже принюхиваясь к Артему.

– Ваш дворник, – ответил он.

– Как это? – удивилась она.

– Как, как, из шланга. Он меня водой окатил, чтобы разбудить, я на лавочке спал около вашего подъезда.

Мы с Ирккой в изумлении переглянулись.

– Ты ночевал на лавочке у подъезда?! – почти хором переспросили мы.

– Да, – ответил он весело. – А дворник меня разбудил, умыл и даже рассказал, как вас найти. В общем, добрый человек попался.

– Да уж. Ничего не скажешь. Удружил, так удружил, – вздохнула я, имея в виду присылку к нам незваного гостя.

– Почему же ты спал здесь, когда мы отправили тебя на такси домой? – спросила его Ирка.

– Я отказался, – категорически мотнул он головой. – Не хочу, чтобы папа и мама видели меня в таком состоянии. Я потребовал, чтобы шофер отвез меня обратно, сюда.

Я представила себе, сколько неприятных минут мы доставили водителю, отправив с ним этого придурка.

– Только я не знал, где вы живете, а спросить было не у кого, все уже спали, – как ни в чем не бывало продолжал Артем, – вот и пришлось ночевать на скамеечке у вашего подъезда. Но ничего, выспался отлично, а утром дворник, добрая душа, меня разбудил.

– Да ладно, хватит, заладил про своего дворника. С ним мы еще разберемся, – оборвала его Ирка. – Чего тебе от нас то надо? Мы сегодня не похмеляем.

– Я бы чай попил, просушился. И еще... где у вас тут туалет?

Мне стало жаль будущего юриста, и я сказала:

– Вот там туалет, а здесь ванна. Ирка, дай ему тельняшку, которую твой курсант оставил.

Через пятнадцать минут наш гость, в одних трусах и длин-

ной, почти до колен, тельняшке, сидел за кухонным столом, причесанный и посвежевший, и за обе щеки уплетал приготовленные мной бутерброды, запивая их чаем.

Теперь он выглядел вполне прилично, если бы не его нелепое одеяние, которое сидело на нем, как комбинация.

Мы с Иркой молча наблюдали за тем, как активно работают его челюсти, но я заметила, что Ирка смотрит на непрошеного гостя крайне неприязненно. Наверное, отчасти это было связано с тем, что покупать продукты сегодня предстояло ей. Я начала соображать, как нам избавиться от этого чуда, столь неожиданно свалившегося на наши головы. Ирка, однако, посчитала, что слово «наши» здесь неуместно и вполне хватит одной моей головы. Она резко встала с табуретки и сказала:

– Ну ладно, некогда мне с вами чай гонять. У меня дел по горло. Пошла я, – и, развернувшись, направилась из кухни в прихожую.

«Вот паршивка, – подумала я про себя. – Вечно бросает меня в самый неподходящий момент. Что мне теперь делать с этим алкоголиком?»

Я вновь посмотрела на Артема. Тот допил остатки чая и, заметив мой тоскливый взгляд, произнес:

– Да ты не волнуйся, Олечка. Фима говорит, что женщины, как собаки, не любят пьяных и маньяков. А я, как это ни странно звучит, не маньяк и даже не алкоголик.

– Да уж, доказывай теперь, – сказала я и добавила: – Кста-

ти, а что, твой приятель Фима – твой путеводитель в мире межполовых отношений?

– Нет, – смутился Артем. – Просто он любит поговорить на эту тему.

– И, видимо, находит благодарную аудиторию в твоём лице, – съязвила я. – Ну да ладно, – подвела я итог нашей краткой беседы. – В общем, мне тоже некогда, у меня куча дел. Твои вещи уже высохли, наверно. На улице жара.

– Да-да, я понял, – сказал Артем и вслед за мной отправился из кухни в комнату.

Я сняла с балкона рубашку, брюки и майку и отдала их владельцу. Тот быстро переоделся, и мы вместе вышли из дома.

– Тебе в какую сторону? – спросил он.

– А тебе в какую? – вопросом на вопрос ответила я и красноречиво поглядела на него, тем самым давая понять, что мне совсем в другую.

– Видишь ли, я чувствую себя в некотором долгу перед тобой. Можно сказать, приютили, накормили, просушили. Делать мне сейчас нечего, свободного времени навалом. Я мог бы помочь тебе в твоём деле.

– Нет уж, – сказала я. – Такие помощники мне не нужны. Ещё нажрешься где-нибудь в самый неподходящий момент и под лавочкой уснешь.

– Да не пью я! – чуть ли не заорал Артем, искренне раздосадованный.

Я даже оглянулась на прохожих – не привлек ли он их внимания. Но прохожим было все равно. Утомленные жарой, они чалили себе потихоньку по своим текущим делам.

– Ладно, не вопи, – сказала я. – Если тебе охота шляться со мной, на, неси мой фотоаппарат. Будешь сегодня моим оруженосцем.

Артем с радостью схватил фотоаппарат, повесил на плечо и бодро зашагал рядом со мной. Мы как раз подходили к автобусной остановке. Погрузившись в автобус, мы проехали несколько остановок, потом вышли и еще десять минут топали пешком. Дорогу я знала. Наконец мы очутились у пятиэтажного здания постройки начала века, в одном из исторических центров Тарасова. Над широкой порталной дверью висела красиво оформленная вывеска «Отель Англетер».

– Ну, – сказала я, поворачиваясь, – спасибо, что проводил. Мне вот сюда.

– Ты что, здесь работаешь? – недоуменно спросил Артем.

– Нет, у меня просто дело тут.

– Так я тебя подожду, – не унимался он.

– Да нет, не стоит. Просто ко мне родственник приехал, я хочу его навестить. Это может затянуться.

– Я все равно подожду, – сказал он. – Вот в этом скверике, напротив отеля.

Он несколько секунд помялся, затем произнес:

– Понимаешь, я... Короче, мне хотелось... – Потом он махнул рукой и сказал: – Ладно, я подожду.

Я так и не поняла, что Артем хотел сказать, но в этот момент мне пришла мысль, что он может быть полезен. И это даже хорошо, что он подождет меня здесь. Мало ли, что со мной может случиться в отеле. Я ведь даже не имела конкретного плана действия. В общем, неожиданно для самой себя я сказала ему:

– Хорошо, сиди в скверике и жди меня. Если я через полтора часа не выйду и не дам о себе знать, поднимай кипеш.

– Как это? – удивился Артем.

– Как, как, поднимай шум и иди искать меня.

– А в каком номере тебя искать? – спросил он. – Где твой родственник остановился?

Я обвела взглядом пять этажей здания и сказала:

– Кто ж его знает?

И, взяв с плеча у удивленного Артема фотоаппарат, я направилась ко входу в гостиницу.

Войдя в здание, я очутилась в большом холле. Похоже, гостиница не так давно подверглась капитальному ремонту. Во всяком случае, и отделка фасада – это я успела заметить еще на улице, – и отделка холла впечатляли своей свежестью и дороговизной. Ярко-рыжими лампасами впечатлял и швейцар – крупный дородный мужчина лет пятидесяти, стоявший в холле, как статуя. К нему-то я и направила свои стопы.

– Скажите, как мне разыскать директора гостиницы?

Говорить и шевелиться швейцар начал одновременно. Медленно, словно оснащенный несмазанной гидравликой,

он развернул свое тело и поднял руку в сторону лестницы, при этом протрубив глухим голосом:

– Кабинет президента отеля находится на втором этаже, комната 207.

– Спасибо, – сказала я и отправилась к широкой, отделанной серым мрамором, лестнице.

Поднявшись по ступенькам на второй этаж, я быстро отыскала дверь под номером 207 и, войдя, очутилась в небольшой, но уютной приемной, где, кроме двух диванов, стоял еще небольшой письменный стол, за которым сидела молоденькая секретарша, набивая что-то на компьютере. Подняв голову, она вперила в меня пронзительный взгляд своих черных глаз и спросила голосом, не столь юным, как ее внешность, поскольку хрипотца в нем выдавала заядлую курильщицу:

– Вам кого, девушка?

– Я к директору, – сказала я, – то есть к президенту.

– Геннадий Семенович сейчас занят. А вы, собственно, по какому вопросу?

Я подумала и не нашла ничего лучше, как ляпнуть:

– По личному.

Видимо, я не нравилась секретарше, потому что она тут же с легким злорадством сообщила:

– По личным вопросам Геннадий Семенович принимает по четвергам, с четырех до шести.

– Но у меня не настолько личное дело, чтобы дожидаться

приемного дня. Мой личный вопрос можно решить в рабочем порядке, – возразила я.

Похоже, секретарша горой стояла за соблюдение регламента своего начальника и всеми силами старалась не допустить к своему шефу молодых посетительниц с личными вопросами в неустановленное время. В подтверждение своих намерений она встала, давая тем самым понять, что разговор окончен и я могу удалиться. Но в этот момент обитая кожей дверь кабинета начальника открылась и на пороге появился сам президент отеля. Я это поняла по тому, как просияло лицо секретарши.

Президент отеля «Англетер» выглядел под стать своему заведению: не новый, но хорошо отремонтированный. Этому мужчине было лет пятьдесят. Он был невысокого роста, среднего телосложения. Редеющие уже волосы были тщательно зачесаны и уложены в хорошо подобранную парикмахером прическу, скрывающую залысины. К тому же выпадение волос на темечке директор, видимо, пытался своеобразно компенсировать, отпустив небольшую, аккуратно подстриженную бородку испанского типа. Черты лица были правильные. Тонкий нос с постоянно «играющими» ноздрями выдавал натуру страстную и импульсивную, а холодные голубые глаза, приятное впечатление от которых не портили небольшие мешки под ними, говорили о том, что этот человек незаурядных способностей.

Он положил на стол секретарше какие-то бумаги. Затем

окинул меня взглядом с головы до ног и, повернувшись к секретарше, произнес:

– Что требуется этой юной леди?

– Этой юной леди, – надменно-саркастически произнесла секретарша, которая, видимо, была моей ровесницей, – требуется получить аудиенцию у вас. Как она заявляет, по личному вопросу.

– Да-а, – удивленно потянул начальник, поворачиваясь ко мне. – Но у нас... – он показал рукой на дверь, из которой только что вышел. На ней, кроме таблички с надписью «Президент отеля «Англетер» Карасев Геннадий Семенович», висел еще и график приема.

– Геннадий Семенович, мне очень, очень важно поговорить с вами именно сейчас, – сказала я, улыбнувшись ему как можно шире.

– Да-а, – снова удивленно протянул Карасев. Он на секунду задумался, оторвав взгляд от моей старательной улыбки и уставившись куда-то мне в ноги, потом произнес:

– Ну что ж, прошу вас, мадемуазель, – и сделал шаг в сторону, пропуская меня в свой кабинет.

Я снисходительно и одновременно победно улыбнулась секретарше и, открыв дверь, шагнула через порог. Кабинет был просторный и светлый. В центре его стоял длинный овальный стол для заседаний, обставленный по периметру мягкими креслами на колесиках. Но я, пользуясь правом первопроходца, прошагала мимо него в глубь кабинета и усе-

лась в одно из двух пышных кресел, стоящих у письменного стола, непосредственного рабочего места хозяина кабинета. Вряд ли этот стол был старинный, но стилизация под старину впечатляла, во всяком случае, меня. Он выглядел дорогим и уютным.

Вошедший следом за мной Карасев неспешно и вальяжно обошел стол, расстегнул пуговицу своего дорогого, темно-серого в клетку пиджака и, изящным движением откинув его полы, уселся в кресло. Закинув ногу на ногу и положив руки на подлокотники, он одарил меня чарующей улыбкой и сказал:

– Ну-с, я вас внимательно слушаю.

Я не знала, с чего начать, но в этот момент мое внимание привлекла стоящая на почти пустом столе ярко-красочная цветная фотография. На ней был запечатлен сам хозяин кабинета, сидящий на диване. Рядом с ним сидела миловидная женщина лет на десять-двенадцать моложе него, а вокруг сидели, стояли, лежали четверо детей разного возраста: два мальчика и две девочки.

– Это что, все ваши дети? – поинтересовалась я, не до конца понимая, что этот вопрос вряд ли уместен.

Карасев повернул голову чуть влево, при этом вскинув левую бровь, бросил взгляд на фотографию, после чего повернулся ко мне и с улыбкой произнес:

– Смею надеяться, что да.

«Силен мужик», – подумала я. Самому младшему было

года четыре, а самой старшей лет пятнадцать...

Хозяин кабинета ждал, когда же я перейду к делу, и стал уже подрыгивать ножкой от нетерпения.

– А вы знаете, – снова начала я невпопад, – мы с вами почти земляки.

– Что вы говорите? – посмотрел на меня удивленным взглядом Карасев. – Я, право, не совсем понимаю, что означает слово «почти».

– Ваша фамилия Карасев, – утвердительно сказала я. – А я родом из города Карасева, это под Тарасовом.

– Ах, вот оно что, – сказал Карасев, – вы в этом смысле? Но сам я, к сожалению, не из Карасева, и даже не из Тарасова. Ну, так какое у вас ко мне дело?

Вступительную речь я не заготовила, однако дальше тянуть уже было нельзя. Где-то я слышала, что чем глобальнее врешь, тем охотнее тебе верят. И меня, хоть я и не турецко-подданная, понесло:

– Я журналист, специализируюсь на криминальной тематике. К нам в газету поступила информация о том, что номера вашей гостиницы используются для сходок представителей криминальных группировок. Здесь решаются и обсуждаются вопросы о поставках наркотиков и оружия. Здесь же главари преступного мира приходят к соглашениям о разделе тех или иных сфер влияния. По последней информации, уровень таких контактов стал уже международным. Не так давно здесь состоялась встреча английских мафиози с наши-

ми местными авторитетами. Говорят, что одна из подобных встреч была тайно записана на видеопленку, по одной версии – конкурирующими структурами, по другой – иностранной разведкой. Я получила от редакции задание, и мне необходимо осмотреть помещение, где, по нашей информации, происходила встреча, и составить его детальное описание, с тем, чтобы я потом могла отразить это в своих журналистских публикациях. Редакция намеревается опубликовать целую серию моих статей о деятельности мафии, в том числе и международной, в Тарасове.

По мере моего рассказа глаза Карасева сначала расширялись, потом сужались, как у слепого, а под конец его взгляд сделался каким-то остекленелым. Не дослушав меня до конца, он хлопнул рукой по подлокотнику кресла и поднялся.

– Все, достаточно, – сказал он, упруго распрямившись передо мной, словно шест прыгуна в высоту.

– Я вас не совсем поняла, – сказала я ему, продолжая сидеть.

– Вы – еще одно наглядное подтверждение моего давнего наблюдения, – ответил он.

– Какого? – мне стало любопытно.

– Все фигуристые длинноногие смазливые бабы типа вас по молодости являются дурами, а по старости еще и стервами. Увы, и вы тоже не станете исключением. Мне бы стоило догадаться об этом сразу, еще в приемной, но меня смутили ваши глаза. Мне они показались добрыми и честными. Но,

видимо, я сильно ошибался. Вы ничем не лучше других, подобных вам, и я больше не желаю тратить на вас время, выслушивая ваши бредни. Будьте любезны, выйдите из моего кабинета.

Я машинально встала и направилась к выходу, ошеломленная таким резким контрударом. Похоже, я чего-то не рассчитала: то ли масштабы вранья преувеличила, то ли серьезность собеседника недооценила. На полпути к выходу я решила, что остался один только шанс переломить ситуацию в свою пользу – сказать правду. Я повернулась и пошла обратно:

– Геннадий Семенович, послушайте меня. Я вам все объясню, как есть на самом деле...

– Вон, я сказал, из моего кабинета! – выкрикнул Карасев, тыча указательным пальцем в направлении двери. – Я слишком много времени потратил в своей жизни на таких нахальных идиотов, чтобы терять его еще и теперь.

Ну, это уже был перебор. Даже мое ангельское – я в этом совершенно убеждена – терпение не готово было сносить подобные оскорбления. Я подошла к столу, что есть силы треснула по нему кулаком и тут же завизжала от боли, так как попала ребром по шариковой авторучке. Но эта боль словно подхлестнула меня, и я затараторила:

– Послушайте, вы, как вы смеете оскорблять меня, да еще в подобных выражениях! У меня на самом деле есть для вас информация, которая наверняка вас заинтересует. Стены ва-

шего отеля используют в своих корыстных целях разного рода шантажисты и проходимцы.

– Чепуха! – рявкнул он в ответ. – Какие тому есть доказательства?

– Если вы внимательно слушаете меня, я вам все объясню. Дайте мне пару минут.

– Хорошо, но не больше, – сказал он и нехотя уселся в свое кресло, напряженно вглядываясь в меня.

Я собралась с мыслями и выпалила следующий текст:

– Я действительно журналист. Работаю в газете «Студенческий меридиан» корреспондентом. Но здесь я скорее как частное лицо. Дело в том, что мою подругу с ее приятелем засняли в вашей гостинице во время интимного свидания. Оба они состоят в браке, но, как вы понимаете, не друг с другом. Теперь их шантажируют. Если вы мне не верите, то поверьте этой фотографии.

Тут я вынула фотографию, полученную вчера от Таньки, на которой они с Сергеем были запечатлены в момент интимных ласк. Давая ее рассмотреть Карасеву, я зажала указательным пальцем Танькино лицо. Карасев вынул из бокового кармана пиджака изящные небольшие очки и, нацепив их на нос, стал разглядывать фотографию.

В первый момент брови его взлетели вверх, а губы непроизвольно произнесли «угу». Весь его вид говорил о том, что он оценивает пикантность любовной позиции Таньки и Сергея. Однако через несколько секунд брови свелись к пере-

носице, тонкие ноздри активно стали раздуваться, лицо стало хмурым. По интерьеру комнаты, запечатленной на фотографии, Карасев понял, что дело происходит в его отеле, и именно в «люксовском» номере. Он поднял взгляд выше очков и сказал:

– Что, из-за этой фотографии вашу подругу шантажируют?

– Да, – ответила я. – Брак находится под угрозой распада. Возможен даже маленький международный скандал, так как моя подруга замужем за иностранцем.

– Да уж, без внеочередной сессии ООН здесь не обойтись, – произнес Карасев с усмешкой. – И что же вы хотите от меня? – спросил он, посерьезнев.

– Дайте мне хотя бы осмотреть номер, где это происходило. Назовите фамилии людей, которые обслуживали номер в день, когда их засняли на фотопленку. Нужны хоть какие-то зацепки, чтобы выйти на шантажистов, – я почувствовала, что мне удалось заинтересовать Карасева и он мне поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.